

На правах рукописи

БЛИНОВА Ольга Александровна

**ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ
(на материале произведений Э. Хемингуэя)**

Специальность 10.02.04 - Германские языки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва - 2015

Работа выполнена на кафедре английского языка №3 ФГБОУ ВПО «Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ»

Научный руководитель:	доктор филологических наук, профессор Позднякова Елена Михайловна профессор кафедры английского языка №3 ФГБОУ ВПО «Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ», профессор Центра когнитивных программ и технологий ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет»
Официальные оппоненты:	доктор филологических наук, доцент Клепикова Татьяна Альбертовна профессор кафедры английского языка и перевода ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет» кандидат филологических наук, доцент Бурова Варвара Львовна доцент кафедры теории и практики перевода Московского института повышения квалификации ФГБОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет»
Ведущая организация:	ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»

Защита диссертации состоится: 15 апреля 2015 г. в ____ на заседании диссертационного совета Д 209.002.07 в ФГБОУ «Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ» по адресу: 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ «Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ» и на сайте www.mgimo.ru.

Автореферат разослан « » 2015 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета, доктор
филологических наук, профессор

Н.В. Иванов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация представляет собой лингвокогнитивное исследование способов передачи чужой речи в англоязычном тексте и посвящено репрезентации одного из таких способов - несобственно-прямой речи - в произведениях Э. Хемингуэя.

История изучения способов передачи чужой речи берет начало в Античности, восходя, в частности, к труду Платона «Государство». Поднимался этот вопрос и в рамках классической риторики. Несмотря на столь давние традиции, первые развернутые классификации способов передачи чужой речи появляются лишь в начале XX в., а само понятие «чужой речи» обретает терминологический статус сравнительно недавно, во второй половине XX в. (см. работы Г.М. Чумакова, Н.В. Максимовой).

В XX в. появляются работы, исследующие чужую речь с позиций синтаксиса, семантики, прагматики, стилистики, лингвистики текста, теории нарратива и др., что говорит о тесных связях репрезентологии (науки о способах передачи чужой речи) с этими областями лингвистики.

Из всех способов передачи речи наибольший интерес у исследователей вызывает, безусловно, несобственно-прямая речь (далее - НПР). Несмотря на существующее обилие исследований, дискуссионными на сегодняшний день остаются вопросы определения НПР, ее дистинктивных признаков, универсальности и жанровой принадлежности.

В последние годы всплеск интереса к способам передачи чужой речи в целом и НПР в частности наблюдается в когнитивной лингвистике, что во многом обусловлено развитием такой ее области, как когнитивная нарратология. Однако, существующие исследования на сегодняшний день все еще фрагментарны, а НПР редко выступает в них как самостоятельный объект исследования.

Таким образом, **актуальность** обращения к НПР в реферируемой диссертации вызвана непрекращающимися попытками придти к единому пониманию данного явления и состоит в необходимости продолжить изучение НПР с позиций когнитивной лингвистики. Лингвокогнитивное исследование НПР позволяет поставить вопрос о характере взаимосвязи между языковыми средствами репрезентации НПР и стоящими за ними ментальными репрезентациями.

Объектом исследования данной диссертации, таким образом, выступают образцы НПР в произведениях классика североамериканской литературы, журналиста Э. Хемингуэя.

Предметом исследования являются языковые репрезентации НПР и соотнесенные с ними когнитивные процессы, характерные для автора/нарратора и персонажа в произведениях писателя.

В основе настоящего исследования заложена **гипотеза** о том, что конкретные языковые репрезентации НПР и находящие в них отражение ментальные репрезентации образуют систему состояний автора/нарратора и персонажа.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые в отечественной лингвистике НПР рассматривается с позиции когнитивной лингвистики. Впервые НПР рассматривается как результат процесса метареферирования. Также впервые на русском языке представлен обзор теоретических работ западных ученых, внесших вклад в исследование НПР в последние годы. Новыми являются предложенные автором на материале английского языка классификации видов НПР.

Цель данной диссертации - выявить лингвокогнитивные особенности НПР в произведениях Э. Хемингуэя.

Обозначенная цель определила поставленные в процессе работы **задачи**:

1. Изучить историю исследования НПР в рамках лингвистической науки, в том числе с позиций когнитологии.
2. Установить четкие критерии НПР, позволяющие отграничить ее от смежных явлений.
3. В соответствии с выявленными критериями провести анализ лингвистической репрезентации НПР в произведениях Э. Хемингуэя, выявив ее характерные особенности.
4. Выявить ментальные репрезентации, находящие отражение в конкретных фрагментах НПР.
5. Показать систему когнитивных состояний нарратора/персонажа, которую Э. Хемингуэй передает в своих произведениях.
6. Исследовать метакогнитивные процессы, характерные для образцов НПР в текстах Э. Хемингуэя.

Теоретической и методологической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных исследователей в области: прагматики, лингвистики текста, синтаксиса, нарратологии, лингвостилистики: А.А. Андриевской, М.М. Бахтина, Е.С. Борисовой, А.В. Бровиной, В.В. Виноградова, В. Волошинова, И.Р. Гальперина, Г.Г. Инфантовой, Т.А. Клепиковой, И.И. Ковтуновой, Н.А. Кожевниковой, Е.Я. Кусько, Л.Г. Поповой, Л.А. Соколовой, Г.Я. Солганик, Г.М. Чумакова, Ю.В. Шараповой, Н.Ю. Шведовой, В. Шмида, Р.О. Якобсона, Ch. Bally, A. Banfield, J. Bray, D. Cohn, E. Doron, S. Ehrlich, C. Emmott, M. Fludernik, M.A.K. Halliday, D. Herman, M. Jahn, G. Leech, E. Maier, B. McHale, A. Palmer, R. Pascal, G. Redeker, Ph. Schlenker, M. Short, M. Toolan, L. Vandelanotte и др.

Материалом исследования служат произведения классика американской литературы, журналиста Э. Хемингуэя (1899-1961). В корпус примеров вошли фрагменты как

художественных произведений автора, так и его журналистских работ: романы «Фиеста: и восходит солнце» (1926), «Прощай, оружие» (1929), «Иметь и не иметь» (1937), «По ком звонит колокол» (1941) и «Райский сад» (1986), рассказы из сборников «В наше время» (1925), «Мужчины без женщин» (1928) и «Победитель не получает ничего» (1933), опубликованный в журнале *Esquire* рассказ «Снега Килиманджаро» (1936), а также статьи и репортажи 1917-1922 гг., написанные для газет *The Kansas City Star*, *The Toronto Daily Star*, *The Toronto Star Weekly* и опубликованные посмертно в сборниках «*By-Line Ernest Hemingway: Selected Articles and Dispatches of Four Decades*» (1967) и «*Ernest Hemingway, Cub Reporter: Kansas City Star Stories*» (1970).

Общий объем проанализированного текста составил более 2500 страниц, из которых методом сплошной выборки было извлечено более 200 образцов НПР.

Репрезентативная выборка использованного в ходе исследования материала обеспечивает **достоверность** полученных результатов и обоснованность выводов.

В соответствии с целью и задачами исследования в качестве основных **методов** анализа использовались дедуктивный и индуктивный методы, метод когнитивного моделирования, метод концептуального анализа, метод семантического структурирования художественного текста, а также методы нарратологического анализа.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. НПР представляет собой дискуссионное явление синтаксиса, характерное для многих языков мира. В частности, в английском языке первые образцы НПР прослеживаются в произведениях Дж.Чосера (1343-1400), а как литературный прием и явление английского синтаксиса НПР систематически представлена в английском языке с XIX в. Как синтактико-семантическое явление в текстах художественных произведений НПР стала стимулом для многочисленных дискуссий, в ходе которых делались попытки объяснить природу НПР с позиций автора, нарратора и персонажа. Новый этап в исследовании НПР возникает с появлением и развитием таких наук, как когнитивная нарратология и когнитивная лингвистика.

2. Четко заданные критерии выделения НПР позволили отграничить ее от смежных понятий, в частности, внутреннего монолога, с которым НПР нередко отождествляется. По нашему мнению, однако, смешение их недопустимо, так как НПР и внутренний монолог представляют собой явления разного порядка. В то время как НПР есть один из способов передачи чужой речи, внутренний монолог является литературным приемом, который может реализовываться в тексте посредством разных способов передачи речи.

3. Проведенное исследование позволило также определить границы в дискуссии об универсальности НПР. Ряд ученых считает НПР атрибутом художественного текста, а

потому допускает ее наличие только в языках с развитой литературной традицией. В диссертации выдвигается положение о том, что НПП свойственна литературному тексту, журналистскому репортажу, устной и письменной речи.

4. При анализе фрагментов НПП в произведениях Э. Хемингуэя мы руководствовались выделенными М. Флудерник двумя обязательными и пятью опциональными признаками НПП. Последние представляют интерес своим разнообразием; несмотря на необязательный характер, эти маркеры играют важнейшую роль при анализе репрезентации НПП в тексте. В диссертации показано, что двумя обязательными признаками НПП в произведениях Э. Хемингуэя являются следующие: отсутствие придаточной структуры и прономинальная транспозиция. К опциональным признакам в ходе анализа НПП в произведениях Э. Хемингуэя были отнесены: способ ввода НПП, транспозиция пространственно-временных дейктических показателей, дискурсивные маркеры речи персонажей.

5. Предлагается классификация НПП как репрезентаций ментальных состояний персонажа с учетом уточненных критериев. Проанализировав существующие классификации, мы пришли к выводу об их несостоятельности в силу размытости критериев, что приводит к игнорированию сути НПП как способа передачи речи персонажа лингвистическими средствами не только самого персонажа, но и нарратора. К таким искажающим критериям мы относим включение в ряды НПП примеров, где отсутствует прономинальная транспозиция личных местоимений, и герой говорит от первого лица, что приводит к исчезновению плана нарратора из конкретного текстового фрагмента.

6. Выдвигается предположение, что представленная в произведениях Э. Хемингуэя устная, мысленная и письменная НПП является отражением ментальных состояний персонажа. На основе анализа корпуса примеров выводятся следующие репрезентации:

- *НПП как репрезентация чувственного восприятия (зрительного и слухового).*
- *НПП как репрезентация социального восприятия (причем термин «социальное» трактуется нами широко: мы включаем сюда восприятие персонажем не только поведения людей, но и поведения животных, которое герои Э. Хемингуэя осмысливают в человеческом понимании).*
- *НПП как репрезентация процессов памяти.*
- *НПП как репрезентация процесса формирования оценочных суждений.*
- *НПП как репрезентация процесса осмысления.*
- *НПП как репрезентация процесса рассуждения.*
- *НПП как репрезентация эмоциональных состояний (радости, угрозы, удивления).*
- *НПП как репрезентация намерения.*

Полученные типы репрезентации НПП образуют структурную классификацию во-первых, по количеству задействованных участников, во-вторых, по количеству ступеней представленных процессов.

7. В случаях введения в текст НПП происходит метакогнитивный процесс. Языковыми средствами нарратора эксплицитно либо имплицитно вводятся метарепрезентации высшего порядка. Характерное для НПП сочетание языковых средств нарратора и персонажа вводит метарепрезентации низшего порядка. В результате этого процесса синтаксически независимые вербализации НПП демонстрируют зависимость на ментальном уровне от интенционалов (смыслов) метарепрезентаций высшего порядка.

Теоретическая значимость работы состоит в возможности использования ее результатов и выводов в дальнейшем формировании основ репрезентологии как науке о формах передачи чужой речи. Полученные результаты способствуют систематизации и углублению знания об НПП в рамках лингвокогнитивных исследований. Теоретически значимым является вклад работы в теорию когнитивной нарратологии.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования результатов исследования при разработке вузовских курсов по репрезентологии, лингвостилистике, синтаксису английского языка, анализу художественного и журналистского дискурса. Материалы настоящего исследования также могут найти применение на практических занятиях по английскому языку и переводу, т.к. понимание специфики НПП играет ключевую роль в идентификации представленной в тексте точки зрения, а, следовательно, и в интерпретации текста.

Апробация работы. Тема, основные положения и результаты диссертации обсуждались на заседаниях кафедры стилистики английского языка МГЛУ (2009-2011 гг.), на заседаниях кафедры английского языка №3 МГИМО (У) МИД РФ (2013-2015 гг.), а также нашли отражение в 7 публикациях автора.

По теме диссертационного исследования были сделаны доклады на следующих научных конференциях: «*International Conference for Academic Disciplines*» (Гарвардский университет, г. Кэмбридж, Масс., США, 27-31 мая 2012 г.), «*Многоуровневая подготовка специалистов в высшей школе: проблемы и перспективы развития*» (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, 12-19 мая 2014 г.), «*Проблемы коммуникации в современном поликультурном мире*» (НИУ ВШЭ, г. Москва, 20-30 января 2015 г.).

Специфика цели, задач, и методов диссертации определяет ее **структуру**. Работа объемом 168 страниц (из них основного текста - 150 страниц) состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка, включающего 181 наименование, из которых 104 - на иностранных языках.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается выбор темы и объекта исследования, раскрываются новизна, актуальность, теоретическая значимость и практическая ценность работы, намечаются цели и задачи исследования, конкретизируется методика.

В **ГЛАВЕ I «НПР как объект лингвистического исследования»** рассматриваются общие проблемы изучения чужой речи в языкознании и место, отводимое НПР в лингвистических исследованиях. Данная глава состоит из трех параграфов.

Первый параграф «НПР в системе способов передачи речи» посвящен проблеме выделения типов передачи чужой речи и содержит обзор основных существующих классификаций.

Разнообразие морфосинтаксического арсенала, которым располагают носители языков мира, делает практически невозможным создание единой типологии способов передачи речи. Количество выделяемых способов варьируется от трех-четырех (А. Палмер, Л. Ванделанотте) до тридцати (М. Флудерник). Лингвистические классификации строятся либо на морфосинтаксическом, либо на миметическом критерии.

Морфосинтаксический критерий распространен прежде всего в типологических исследованиях языков народов мира и основывается на грамматических признаках способов передачи речи (см. работы Aikenvald; Evans; Hoggack). Анализ существующих морфосинтаксических классификаций позволил составить сводную обобщающую таблицу, содержащую следующие основные морфосинтаксические типы передачи чужой речи, применимые к английскому языку (см. Таблицу 1).

Миметический критерий, более распространенный в нарратологии, предполагает выделение типов речи на основании «верности» передаваемого сообщения «оригиналу» (см. работы D. Cohn; V. McNale; M. Fludernik; A. Palmer; L. Vandelanotte). Классификации такого рода часто предполагают выделение способов передачи чужой речи в зависимости от точности цитирования. В них неизменно входят прямая (свободная прямая), косвенная и несобственно-прямая речь, рассмотренные в *Таблице 1*, а также некоторые дополнительные категории. На основе анализа работ по соответствующей тематике (см. труды D. Cohn, V. McNale, M. Fludernik, M. Jahn и др.) в данной диссертации приводится следующая обобщающая таблица типов передачи речи в соответствии с миметическим критерием (см. Таблицу 2).

<i>Тип передачи чужой речи</i>	<i>Пример</i>	<i>Морфосинтаксические характеристики</i>
прямая речь (direct speech)	«Does this little elf of a girl love me?» (he wondered).	Представляет собой независимое предложение. Дейктическая система выровнена под момент произнесения, т.е. указатели места и времени, а также личные местоимения и глагольно-временные формы выбираются в соответствии с моментом и субъектом речи. Графически маркирована (выделена кавычками). Может содержать восклицания, вопросительные предложения; любые экспрессивные элементы, характерные для речи данного говорящего.
свободная прямая речь (free direct speech)	Does this little elf of a girl love me? (he wondered).	Аналогична прямой речи, но не выделена кавычками.
несобственно-прямая речь (косвенно-прямая / и з о б р а ж е н н а я , несобственно-авторская, free indirect speech, represented speech and thought)	Did this little elf of a girl love him? (he wondered).	Содержит темпоральную и прономинальную транспозиции по образцу косвенной речи. Пространственно-временная дейктическая система выравнивается по образцу прямой. Может содержать вопросительные и восклицательные предложения, экспрессивные языковые единицы, свойственные речи цитируемого.
полукосвенная речь (semi-indirect speech)	Does this little elf of a girl love him? (he wondered).	Отсутствует темпоральная транспозиция глаголов, но происходит дейктический сдвиг.
полупрямая речь (semi-direct speech, biperspectival speech, creative indirect speech)	He wondered if this little elf of a girl loved him.	Содержит подчинительную связь, как косвенная речь, и отдельные экспрессивные элементы, как прямая. Не может содержать вопросительных или восклицательных предложений.
косвенная речь (indirect speech)	He wondered if that little girl loved him.	Синтаксически представляет собой утвердительное сложно-подчиненное предложение. Предполагает сдвиг дейктической системы, местоимений (прономинальная транспозиция) и глагольно-временных форм (например, с времен плана настоящего на времена плана прошедшего). Не содержит экспрессивных элементов, маркеров субъективности, отражающих манеру речи цитируемого.

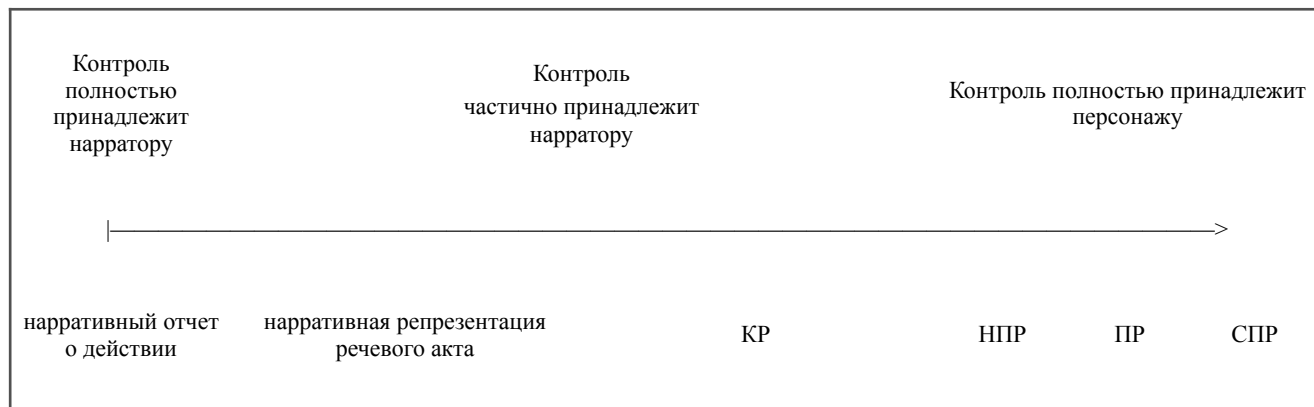
Таблица 2

<i>Тип передачи чужой речи</i>	<i>Пример</i>	<i>Миметические характеристики</i>
пересказ восприятия (narrated perception)	Mr Gills looked out (...) of the window to see if his nephew might be crossing the road. No. He was not among the bobbing umbrellas.	Описание заменяется перцепцией цитируемого (персонажа).
диегетическое резюме (нарративная репрезентация речевого акта, diegetic summary)	She challenged him to a duel.	Сообщает о совершении речевого акта, но не уточняет его характер и содержание.
резюме (summary; psychonarration)	Mr Wegg then goes on to enlarge upon what throughout has been uppermost in his crafty mind [...]. He expatiates on Mr Venus's patient habits and delicate manipulation; [...] Mr Wegg next modestly remarks on the want of adaptation [...]. Lastly, he returns to the cause of the right (...), and anticipating his denunciation by the friendly movers to avenging justice.	Сообщает о совершении речевого акта и о манере его совершения и/или его содержании.
косвенный перифраз содержания (indirect content-paraphrase)	He wondered if that little girl loved him.	Передает содержание, но не учитывает ни форму, ни стиль цитируемого акта.
миметическая косвенная речь	He wondered if that little elf of a girl loved him.	Воспроизводит речевой акт с позиции цитирующего, сохраняя некоторые особенности исходного высказывания.
несобственно-прямая речь	Did this little elf of a girl love him? (he wondered).	Воспроизводит субъективную позицию цитируемого посредством сочетания языковых средств как цитируемого, так и цитирующего.
прямая/свободная прямая речь	«Does this little elf of a girl love me?» (he wondered). Does this little elf of a girl love me? (he wondered).	Воспроизводит речевой акт в точности так, как он был бы произведен говорящим.

Миметический подход подвергается критике, во-первых, в силу иллюзорности самого понятия «оригинального высказывания», которое в текстах отсутствует; во-вторых, из-за невозможности закрепить за каждым типом речи фиксированную степень достоверности.

Компромиссом между морфосинтаксическим и миметическим подходом можно считать шкалу Дж. Лича и М. Шорта (2007)¹:

Таблица 3



Приведенная шкала существует в трех вариантах: для устной, мысленной и письменной речи, причем выделяемые типы передачи идентичны. Она базируется на некоторых морфосинтаксических типах передачи чужой речи (они представлены не полностью), которые располагаются на шкале в зависимости от степени подконтрольности содержания цитируемого высказывания нарратору либо персонажу.

Таким образом, анализ существующих классификаций способов передачи чужой речи позволяет сделать вывод, что существование НПР как самостоятельного типа признается всеми без исключения лингвистами и представляет собой своего рода промежуточную форму между прямой и косвенной речью. Происхождение НПР и сфера ее употребления в современном английском языке рассматриваются в следующем параграфе реферируемой диссертации.

Во втором параграфе «*Возникновение НПР в английском языке и ее жанровая принадлежность*» поднимается вопрос о первых зафиксированных в английском языке образцах НПР. В настоящее время существуют две точки зрения. Согласно первой из них, НПР является атрибутом художественного текста, присущим лишь языкам с развитой литературной традицией. В соответствии с этой позицией возникновение НПР в английском языке датируется концом XVIII - нач. XIX вв. (см. Ch. Bally, A. Vanfield). Альтернативная точка зрения гласит, что НПР есть порождение устной разговорной речи, лишь затем проникающее из нее в литературу. Сторонники данной теории фиксируют первые образцы НПР в английском языке в «Кентерберийских рассказах» Дж. Чосера (см. M. Fludernik).

¹ Leech G., Short, M. *Style In Fiction: A Linguistic Introduction to English Fictional Prose*. Pearson Education Limited, 2007.

Отмечается, что положение о невозможности употребления НПР в устной разговорной речи опровергается рядом современных исследований (см. А.О. Литвиненко, М.А.К. Halliday). В то время как использование НПР в устной речи не входит в сферу настоящего исследования, вопрос о жанровой принадлежности НПР является принципиальным. Часть корпуса примеров, анализируемого в данной диссертации, представляет собой образцы НПР из газетно-публицистического текста. Таким образом, утверждение, что НПР есть атрибут исключительно художественного текста, на сегодняшний день предлагается считать несостоятельным.

Третий параграф «История изучения НПР в отечественной и зарубежной лингвистике» содержит обзор посвященной НПР научной литературы с момента первой фиксации НПР А. Тоблером в 1894 г. на немецком материале до актуальных исследований Дж. Брэя, Л. Ванделанотте и Э. Майера (2007-2014 гг.).

В ходе обзора выделяются основные направления исследований НПР в разные временные периоды. Уже в 1912-1920 гг. на раннем этапе обсуждения свойств НПР закладываются два подхода, господствующие в Европе вплоть до конца 1960-х гг.

Первым из них является *грамматический*. Для его приверженцев характерно понимание НПР как синтаксического явления, а в центре исследований находятся ее синтаксические признаки (см. труды Ш. Балли, М. Липс, О. Есперсена, М. Халлидея, Г.Г. Инфантовой, Н.С. Пospelова, Г.М. Чумакова). Противоположный подход - *стилистический* - трактует НПР как прием экспрессивного синтаксиса, объект изучения стилистики языка, и в центре внимания оказываются выполняемые ею в тексте стилистические функции (см. работы Т. Калепки, Э. Лерха, Э. Лорка, В.В. Виноградова, И.И. Ковтуновой, Л.В. Соколовой, Н.А. Кожевниковой, И.Р. Гальперина и др.).

Во второй половине XX в. фокус исследований несколько смещается. Главным вопросом, поднимающимся во всех работах по НПР с начала 1960-х гг., становится дискуссия о числе голосов, заложенных в этом способе передачи речи. Иными словами, в центре внимания оказываются не формальные признаки и функции НПР, а сама природа данного явления.

На одной чаше весов оказывается *гипотеза двойного голоса* (см. работы Р. Паскаля, Д. Кон, П. Гернади, Б. МакХейла). В основу данной гипотезы были заложены идеи о полифонии текста М.М. Бахтина, а также его учение о двуголосом слове, которое стало принято приравнивать к НПР. Согласно данной гипотезе, в НПР слышится одновременно два голоса: нарратора и персонажа. В этом заключается ее отличие от одноголосых прямой (голос персонажа) и косвенной (голос нарратора) речи. Представляется, что близкой по духу к гипотезе

двойного голоса является *модель текстовой интерференции* В. Шмида (2003), согласно которой НПР следует рассматривать как случай интерференции текста нарратора и текста персонажа. В отечественных исследованиях двойной голос соотносится с пониманием НПР как *контаминации* голосов нарратора и персонажа (см. работы А.А. Андриевской, Ю.В. Шараповой, А.В. Бровиной, Е.С. Борисовой и др.).

На другой чаше весов поместилась противоположная гипотезе двойного голоса в НПР *теория текста без нарратора*, разрабатываемая в рамках американской генеративистики Э. Бэнфилд и ее последователями (см. труды С. Эрлих, М. Тулана, С. Куроды и др.). Относя НПР к особой категории EXPRESSION (E), Э. Бэнфилд называет отличительной ее чертой маркеры субъективности. Маркеры эти не могут принадлежать одновременно и нарратору, и персонажу, а отсюда постулируется правило «1 E = 1 SELF» (т.е. в каждом высказывании может выражаться субъективная позиция только одного голоса).

В целом логичная, теория Э. Бэнфилд, однако, содержала ряд неточностей и погрешностей на уровне анализа конкретных примеров НПР, что вызвало шквал ожесточенной критики самой теории. В результате 1980-1990 гг. ознаменовались рядом полемических статей, посвященных спорам между сторонниками Э. Бэнфилд и Р. Паскаля (наиболее активным критиком одноголосия НПР выступил Б. МакХейл). Развернувшиеся дискуссии обнажили необходимость поиска нового подхода, который мог бы вывести исследования из тупика.

Таким подходом стал когнитивно-прагматический, предложенный австрийским нарратологом М. Флудерник в фундаментальном труде 1993 г. М. Флудерник предлагает рассматривать НПР с когнитивно-прагматических позиций. НПР и другие смежные способы передачи чужой речи образуют целую парадигму, которая вписывается в прагматическую модель, включающую два параметра: цитируемый речевой акт и интерпретационная способность реципиента воспринимать чужую речь. Определяется ведущая роль контекста при интерпретации НПР.

Разрешение спора между сторонниками двойного голоса и текста без нарратора М. Флудерник видит в следующем: читатели при встрече с НПР в тексте по умолчанию ожидают увидеть голос нарратора, но определенные контекстуальные сигналы вызывают в их сознании голос персонажей. Таким образом, обсуждение НПР выносится на дискурсивный уровень, на котором читатель реагирует на контекстуальные подсказки и уже в этом интерактивном процессе идентифицирует голос как принадлежащий персонажу. В этой связи понятие двойного голоса применимо, но в несколько ином смысле: это есть результат прагматической

интерпретации читателем элементов текста в рамках отдельно взятого контекста. Двойной голос, следовательно, относится к когнитивному опыту читателя, а не к самой НПР.

Работы М. Флудерник оказали огромное влияние на последующее изучение НПР, послужив толчком для исследований НПР с позиций когнитологии и прагматики, в том числе экспериментальных (см. опубликованные данные об экспериментах J. Bray²). Выделенные М. Флудерник дистинктивные признаки НПР легли в основу анализа примеров, выполненного во второй главе настоящей диссертации.

ГЛАВА II «Репрезентация НПР в произведениях Э. Хемингуэя» посвящена анализу конкретного языкового материала, составляющего эмпирическую базу данного диссертационного исследования. Глава состоит из четырех параграфов.

Первый параграф «Проблема дистинктивных признаков НПР. Отличие НПР от смежных категорий» посвящен необходимости составления строгого списка маркеров, на основании которого НПР можно отграничить от смежных категорий. В настоящей диссертации принят список из двух обязательных и пяти опциональных признаков НПР³. К обязательным признакам относятся:

i) *обязательное использование дейктической системы цитируемого при выборе личных и притяжательных местоимений*; иными словами, обязательным является прономинальная транспозиция, причем речь не идет об обязательном наличии в предложении местоимения, прошедшего транспозицию (такие местоимения могут просто отсутствовать); но если в предложении имеется личное и/или притяжательное местоимение, то оно должно быть транспонировано;

ii) *отсутствие структуры «глагол + придаточное дополнение» при вводе НПР* (иными словами, синтаксический критерий: невозможность использования авторской ремарки вида «he said that», «they asked if ...» и т.д, т.к. это автоматически относит предложение к косвенной речи).

Опциональными признаками НПР является наличие или отсутствие:

- *темпоральной транспозиции* (так наз. «временной сдвиг», т.е. замена глагольно-временных форм настоящего плана на формы прошедшего);

² Bray J. The 'Dual Voice' of Free Indirect Discourse: Report on a Reading Experiment. *Language and Literature* 16, 1 (2007), 35-49.

³ Fludernik M. The Linguistic Illusion of Alterity: The Free Indirect as a Paradigm of Discourse Representation, *Diacritics* 25:4 (1995), pp. 89-115.

- *авторской ремарки* (бессоюзного вводного предложения вида «he said», «they asked» и т.д.);
- *сдвига пространственных дейктических показателей, оформленных по модели косвенной речи* (замены вида here → there);
- *сдвига временных дейктических показателей, оформленных по модели косвенной речи* (замены вида now → then);
- *дискурсивных маркеров речи персонажей* (сюда относятся такие элементы, как экспрессивная лексика, идиоматические выражения, междометия, неполные предложения, вопросительные и восклицательные предложения, чей строй не сохраняется при переводе из прямой речи в косвенную, но остается неизменным в НПР; маркеры эпистемической модальности и элементы экспрессивного синтаксиса).

Вышеуказанные признаки являются опциональными, т.к., во-первых, наличие или отсутствие замены тех или иных элементов не является определяющим; во-вторых, каждый конкретный пример НПР может не содержать таких элементов (например, сдвиг дейктических показателей не произошел в силу отсутствия в тексте таких показателей).

На основании анализа материала исследования в диссертации выделяются три группы НПР, представленные в корпусе примеров: устная НПР (передающая устную речь), мысленная НПР (передающая вербализованную мысленную речь) и письменная НПР (передающая письменную речь). Каждый тип представлен в корпусе как краткими репликами, так и более длительными монологическими отрезками. Кроме того, часть примеров устной НПР являются диалогом. Письменный тип НПР впервые выделен Дж. Личем и М. Шортом (2006). Подробное описание ее лингвистических характеристик приводится впервые в данной диссертации:

There was a letter from my grandfather, containing family news, patriotic encouragement, a draft for two hundred dollars, and a few clippings; a dull letter from the priest at our mess, (...) and a note from Rinaldi asking me how long I was going to skulk in Milano and what was all the news? He wanted me to bring him phonograph records and enclosed a list⁴.

Персонаж, от лица которого ведется повествование, получает и читает записку; на письменный тип речи указывает наименование предмета (note, а не, условно, phone call). Данный образец письменной НПР содержит прономинальный сдвиг со второго на первое лицо и, во второй части, прямой вопрос. Речь Ринальди (автора письма) маркирована не только

⁴ Хемингуэй Э. Прощай, оружие! Роман на англ. яз. М., 2003. С. 134.

синтаксически, но и лексически: в то время как главный герой называет город по-английски, Milan, в репрезентации содержания записки название города фигурирует на итальянском (родном языке пишущего ее Ринальди).

В связи с тем, что в корпусе проанализированного в настоящей диссертации материала широко представлена мысленная НПП, представляется острым вопрос о различении понятий «НПП» и «внутренний монолог». В большом числе как отечественных, так и зарубежных работ эти явления нередко отождествляются. В настоящей диссертации выдвигается положение о недопустимости подобного смешения. В данном диссертационном исследовании характер взаимоотношений внутреннего монолога и НПП задается четырьмя возможными ситуациями:

- (1) *внутренний монолог реализуется полностью посредством НПП;*
- (2) *внутренний монолог реализуется без участия НПП, чаще всего посредством СПР;*
- (3) *внутренний монолог реализуется в тексте сочетанием НПП и других способов передачи речи, например, чередованием НПП и СПР;*
- (4) *НПП выполняет функции, не имеющие к внутреннему монологу никакого отношения (как правило, передача устной речи).*

Четко заданные критерии выделения НПП и определение трех ее типов позволяют перейти к непосредственному анализу образцов НПП в произведениях Э. Хемингуэя, чему посвящен второй параграф Главы II.

Во втором параграфе «Маркеры НПП в произведениях Э. Хемингуэя» раскрывается специфика языковой репрезентации маркеров НПП в текстах писателя.

Особенности дейктических показателей. Выявляется, что в отдельных случаях нарушается правило обязательной прономинальной транспозиции притяжательных местоимений (при транспозиции личных):

Robert Jordan could have put the glasses on them and been sure instantly but he preferred not to. It made no difference to him who they were tonight and if it pleased the old man to have them be o u r s , he did not want to take them away. Now, as they moved out of sight toward Segovia, they did not look to be the green, red wing-tipped, low wing Russian conversion of the Boeing P32 that the Spaniards called Moscas. You could not see the colors but the cut was wrong. No. It was a Fascist Patrol coming home⁵.

⁵ Hemingway E. For whom the bell tolls. Arrow Books, 1994. С. 41.

Притяжательное местоимение *ours* не транспонируется в третье лицо (*theirs*), как это произошло с личными местоимениями в данном отрывке. Этот факт объясняется превалированием личной позиции автора, поддерживающего республиканских партизан в борьбе против фашистов. Эта позиция, в свою очередь, обуславливает определение республиканских самолетов как «наших» не только в контексте персонажа, но и с позиций нарратора.

Особенности ввода НПР. НПР в текстах Э. Хемингуэя вводится имплицитно либо эксплицитно. Эксплицитный ввод подразумевает наличие вводящего глагола говорения *say, go on* (для устной НПР), мыслительного действия *think, say to oneself* (для мысленного) и письма либо чтения *write/read* (для письменной НПР). Обозначенные глаголы-интродукторы могут стоять по отношению к вводимой ими НПР в препозиции (заранее обозначая, кому принадлежит последующая речь), интерпозиции (типично для длительных отрезков текста, где интродуктор помогает не терять ориентиров при чтении, напоминая читателю, что он все еще находится в зоне речи персонажа) или постпозиции (заставляя читателя ориентироваться на иные контекстуальные сигналы, чтобы определить, ведется ли речь от лица нарратора или персонажа).

Имплицитный ввод НПР подразумевает отсутствие вводящего глагола семантики речи (устной, мысленной или письменной). Читатель вынужден ориентироваться на контекстуальные сигналы, чтобы опознать фрагмент как НПР. К имплицитному вводу НПР в работе относятся и случаи, когда НПР вводится глаголами, семантика которых не подразумевает речи, но переключает фокус повествования на субъекта НПР (*she admired sth, he grinned*).

Особенности темпоральной транспозиции. Глагольно-временные формы в НПР традиционно претерпевают так называемый «сдвиг назад» по стандартным правилам преобразования прямой речи в косвенную. К несогласованной НПР, в которой отсутствует темпоральная транспозиция, мы относим предложения с настоящим гномическим, т.е. вневременным значением настоящего времени.

"In the morning if you like," Wilson told him. *Perhaps he had been wrong. This was certainly the way to take it. You most certainly could not tell a damned thing about an American.* He was all for Macomber again. *If you could forget the morning. But, of course, you couldn't. The morning had been about as bad as they come*⁶.

⁶ Hemingway E. *Winner Take Nothing*. Arrow Books, 2006. С. 5.

Дискурсивные маркеры НПП. Присутствие «субъективности персонажа» относительно нейтрального текста нарратора многие исследователи склонны считать определяющим признаком НПП (А. Vanfield, Ю.В. Шарапова). Применительно к произведениям Э. Хемингуэя, в настоящей работе выделяются как ряд типичных дискурсивных маркеров НПП, так и отдельные маркеры, характерные для творчества данного писателя. Типичными являются: экспрессивная и оценочная лексика; модальные глаголы и модальные слова; междометия:

He did not want to hunt buff or anything else with Macomber at all, but he was a professional hunter and he had hunted with some rare ones in his time. *If they got buff today there would only be rhino to come and the poor man would have gone through his dangerous game and things might pick up. He'd have nothing more to do with the woman and Macomber would get over that too. He must have gone through plenty of that before by the look of things. Poor beggar. He must have a way of getting over it. Well, it was the poor sod's own bloody fault⁷.*

Для НПП также характерны повторы, восклицания и вопросительные предложения (в косвенной речи они превратились бы в утвердительные).

Среди маркеров речи персонажей, распространенных в текстах произведений Э. Хемингуэя, можно назвать использование иностранных слов. Поскольку действие многих статей и произведений автора происходит в неанглоязычных странах (Франция, Швейцария, Италия, Испания, Куба), автору приходится искать способ маркировать речь иностранца (либо просто стремление придать речи иностранный колорит для создания соответствующей атмосферы). Это часто делается вкраплениями иностранных слов в английскую речь:

Andrés thought *this ride on a motorcycle was mucho, mucho*⁸.

Другой задачей, которую решает вкрапление в НПП иностранных слов, является необходимость обозначить реалии, не имеющие английского именованья:

“You’re going good,” Zurito said. Manuel shook his head. *He had nothing to do now until the next third. The gypsy was very good with the*

⁷ Там же. С. 20-21.

⁸ Hemingway E. For whom the bell tolls. Arrow Books, 1994. С. 443.

*banderillos. The bull would come to him in the next third in good shape. He was a good bull. It had all been easy up to now*⁹.

Проведенный во втором параграфе анализ языковой репрезентации НПП позволяет перейти к стоящим за ними ментальными репрезентациями состояний персонажа и нарратора.

В третьем параграфе «*Когнитивный аспект репрезентации НПП*» предлагается рассматривать конкретные языковые репрезентации НПП в произведениях Э. Хемингуэя как отражения ментальных состояний персонажа и автора/нарратора.

Как показал анализ существующих структурно-семантических классификаций НПП, их создание сопряжено с определенными трудностями в силу огромного количества как представленных в текстах форм НПП, так и реализуемых ими значений. Это говорит о необходимости выработки новых оснований для классификации, которые и предлагаются в данном параграфе.

Представленная в текстах Э. Хемингуэя НПП при ближайшем рассмотрении оказывается репрезентацией ряда ментальных процессов и состояний, причем это относится не только к внутренней (мысленной) НПП, но и к устной, и к письменной. НПП, таким образом, является удобным и компактным способом передать латентные (скрытые, неочевидные) ментальные состояния персонажа. Фрагмент НПП не обязательно передает дословно сказанное или задуманное персонажем - возможно, это некое резюме увиденного, прочувствованного, осмысленного и, возможно, вербализованного им опыта. Опущенные же элементы читатель оказывается в состоянии восстановить на основе собственного опыта, т.е. конструирует вымышленный (представленный в тексте) мир, опираясь на свои знания о мире реальном.

Иллюстрацией этого механизма может служить следующий фрагмент из корпуса примеров данной работы. Читатель имеет дело с взаимодействием двух персонажей; в тексте, при этом, эксплицитно присутствует лишь один из них, а действия второго достраиваются на основе контекстуальных сигналов (отраженных в сознании одного персонажа действий или слов его оппонента). Пример представляет собой интервью, взятое Хемингуэем-журналистом у бывшего наемного убийцы:

Yes, there were American bump-off artists in Ireland. Yes, he knew some that were there personally. Well, he didn't know who was in the right in Ireland. No, it didn't matter to him. He understood it was all managed out of New York.

⁹ Hemingway E. Men Without Women. Arrow Books, 2004. С. 20.

Then you worked out of Liverpool. No, he wouldn't care particularly about killing Englishmen. But, then, they gotta die sometime¹⁰.

Отличительной чертой этого интервью является отсутствие реплик журналиста: читатель видит только ответы интервьюируемого, причем наличие утвердительно-отрицательных слов четко маркирует реплики именно как ответы на вопросы, а не как монолог; также обращает на себя внимание дискурсивный маркер *well*. Именно эти слова показывают читателю точки, где расположены опущенные вопросы журналиста. При этом весьма вероятно, что дословная запись реального интервью показала бы, что ответы интервьюируемого были менее полными, т.к. иначе он повторял бы немалую часть вопроса журналиста:

Таблица 4

Реконструированная ПР (интервью)	Аутентичный текст в НПР
- Do you know some that are there personally? - Yes, I do [know some that are there personally].	Yes, he knew some that were there personally.
- Who do you think is in the right in Ireland? - Well, I don't know [who is in the right in Ireland].	Well, he didn't know who was in the right in Ireland.
- Does it matter to you? - No[, it doesn't matter to me].	No, it didn't matter to him.

НПР, таким образом, позволяет передать информацию более компактно, т.к. две реплики сворачиваются в одну без существенной потери смысла и субъективной окраски. Подобная компрессия информации делает НПР одним из факторов, способствующих появлению знаменитого «принципа айсберга», характеризующего стиль Э. Хемингуэя.

На основе проанализированного корпуса примеров в работе выдвигается предположение, что представленная в произведениях Э. Хемингуэя устная, мысленная и письменная НПР является отражением ментальных состояний персонажа. Выводятся следующие репрезентации:

- НПР как репрезентация чувственного восприятия (зрительного и слухового).
- НПР как репрезентация социального восприятия (причем термин «социальное» трактуется нами широко: мы включаем сюда восприятие персонажем не только поведения людей, но и поведения животных, которые герои осмысливают в человеческом понимании).
- НПР как репрезентация процессов памяти.

¹⁰ Hemingway E. *By-Line Ernest Hemingway: Selected Articles and Dispatches of Four Decades*. Springer, 1967. С. 13.

- ННР как репрезентация процесса формирования оценочных суждений.
- ННР как репрезентация процесса осмысления.
- ННР как репрезентация процесса рассуждения.
- ННР как репрезентация эмоциональных состояний (радости, угрозы, удивления).
- ННР как репрезентация интенции.

Полученные типы репрезентации ННР образуют и структурную классификацию во-первых, по количеству задействованных участников, во-вторых, по количеству ступеней представленных процессов.

Четвертый параграф ГЛАВЫ II «ННР как результат процесса метареферентирования» посвящен анализу сложного когнитивного процесса - метареферентированию.

Приводятся определения понятия метареферентирования (см. труды Р.О. Якобсона, Е.С. Кубряковой), его важности для когнитивной лингвистики. Выявляется, что анализируемые в настоящей диссертации тексты Э. Хемингуэя представляют собой, с одной стороны, репрезентацию событий, референты которых имеют или имели место в реальном (или вымышленном) мире и были концептуализированы, а с другой стороны - репрезентацию речи нарратора / персонажа об этих событиях. Каждая из этих типов репрезентаций соотнесена с ментальными репрезентациями событий и ментальными репрезентациями сказанного/ помысленного о них нарратором / персонажем.

Опираясь на теорию Т.А. Клепиковой, мы выдвигаем следующие положения:

- Для ННР характерно как сентенциальное метареферентирование (эксплицитный ввод ННР), так и дискурсивное метареферентирование (имплицитный ввод).

- Образцы ННР в произведениях Э. Хемингуэя передают когнитивные состояния, которые в свою очередь формируют ментальные репрезентации (ментальные аналоги предложений, формирующих ННР).

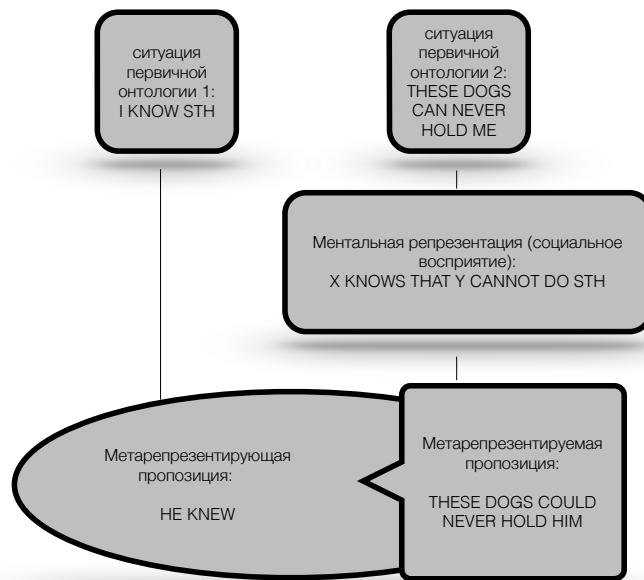
- Метакогнитивный процесс происходит во всех случаях введения ННР в текст. Метареферентации высшего порядка вводятся словами нарратора, а низшего порядка - сочетанием вербализаций нарратора и персонажа.

- Синтаксически независимые вербализации ННР на ментальном уровне демонстрируют зависимость от интенционалов (смыслов) метареферентаций высшего порядка, по сути, подчиняясь им и становясь метареферентациями низшего порядка.

Установленная зависимость демонстрируется на примере из корпуса проанализированного материала:

There was no fear on Marty's face and no humiliation. He was only angry, and he was only temporarily at bay. *He knew these dogs could never hold him*¹¹.

НПР в данном фрагменте репрезентирует социальное восприятие персонажа (его интерпретацию поведения других людей) и вводится эксплицитно глаголом *know*. Система взаимоотношений между исходной метарепрезентирующей и метарепрезентируемой пропозициями показана на следующей схеме:



Аналогичные схемы выводятся и для имплицитно введенной НПР.

В **заключении** подводятся итоги проведенного исследования и намечаются перспективы для дальнейших изучений НПР. Представляется, что проанализированный материал и полученные выводы открывают широкие возможности для дальнейших исследований.

Уникальность Э. Хемингуэя как автора для анализа заключается в том, что в его творчестве представлены как художественная литература, так и журналистика. Огромный интерес в этой связи представляют отличия в репрезентации НПР в художественном тексте от

¹¹ Hemingway E. For Whom the Bell Tolls. Arrow Books, 1994. С. 454.

ее репрезентации в газетных репортажах, которые могут быть рассмотрены в работах сопоставительного характера по стилистике языка и журналистике.

Дальнейшего изучения на расширенном корпусе примеров, безусловно, требует письменная НПР.

Заслуживают интереса и перспективы перевода произведений Э. Хемингуэя на русский язык. Индивидуальные особенности НПР в тексте американского писателя, особенно лексические характеристики маркеров речи персонажей, представляют сложности для перевода на другие языки. Изучение переводческих решений при столкновении с НПР даст плодотворный материал для анализа.

Основные положения и результаты диссертации нашли отражение в следующих публикациях автора (общим объемом 3,75 п.л.):

Научные статьи в ведущих рецензируемых научных изданиях, входящих в перечень ВАК при Минобрнауки РФ (объемом 2,5 п.л.):

1. Блинова О. А. Несобственно-прямая речь или внутренний монолог: к проблеме разграничения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (44): в 2-х ч. Ч. I. С. 37-40.
2. Блинова О.А. Нарушает ли несобственно-прямая речь максимум Качества? // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2013. № 3. С. 62-65.
3. Блинова О.А. Несобственно-прямая речь в английском языке: эволюция взглядов в западной лингвистике (1912-2012) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. Т. 10. № 2. С. 93-102.
4. Блинова О.А. О стилистическом потенциале несобственно-прямой речи в газетном тексте // Вестник Московского государственного лингвистического университета, выпуск 17 (596). Стилистика: традиции и современность. С. 136 - 146. Москва, 2010.

Научные статьи в других изданиях (объемом 1,25 п.л.):

5. Блинова О. А. Обучение несобственно-прямой речи как средству построения перспективы // Труды IV международной научно-практической Интернет-конференции «Многоуровневая подготовка специалистов в высшей школе: проблемы и перспективы развития»; Южный федеральный университет. - Ростов-на-Дону, 2014. - С. 85-88.

6. Blinova O.A. (2015) Speech and Thought Representation in Hemingway: The Case of Free Indirect Discourse // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. Vol. 6, No. 1, S1. P. 458-464.
7. Blinova O.A. (2012) The Notion of Free Indirect Discourse and its Use in Contemporary Journalism // *Humanities and Social Sciences Review*. CD-ROM. Vol. 01. №2. P. 365-371.